

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Н. А. Сегал
г. Симферополь, Россия

© 2018 г. А. Н. Мищенко
г. Симферополь, Россия

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ МИФЫ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА КРЫМА

Аннотация: Статья посвящена изучению особенностей формирования образа Крыма в русскоязычных СМИ 2014–2017 гг. В исследовании подчеркивается, что важную роль при метафоризации крымских реалий играют древнегреческие мифы, которые транслируются на определенные сюжеты и ситуации и характерны для социально-политических реалий последних лет. Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании политического дискурса определила необходимость описания номинаций из древнегреческой мифологии как одного из способов формирования образа Крыма в русскоязычных медиатекстах. Источником анализируемого материала послужили русскоязычные тексты, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину политических событий в Крыму. На материале масс-медийных текстов политической направленности выявлена специфика создания образа Крыма в текстах русскоязычных политических СМИ.
Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, медиакоммуникация, метафора, коннотация.

Дата поступления статьи: 27.01.2018

Дата публикации: 15.09.2018

Информация об авторах:

Наталья Александровна Сегал — кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия. E-mail: natasha-segal@mail.ru

Анна Николаевна Мищенко — аспирант, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия. E-mail: anutik-anutik18@mail.ru

Для цитирования: Сегал Н. А., Мищенко А. Н. Древнегреческие мифы как источник формирования медийного образа Крыма // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 211–222.

Переход Крыма в состав Российской Федерации был и остается объектом анализа и научных дискуссий политологов, философов, историков, юристов, журналистов, лингвистов. Ситуация вокруг Крымского полуострова вызвала особенно большой резонанс на российских, украинских и международных медиаплощадках, описываясь как с позитивной, так и с негативной оценкой. Характеризуя переход Крыма в состав Рос-

сии, исследовали «крымского вопроса» используют различные термины для обозначения данного факта. Так, в статье «Терминологические определения крымских событий 2014 г. в российской и украинской историографии и публицистике» И. В. Савицкий акцентирует внимание на терминологизации слов «воссоединение», «присоединение», «аннексия», «возвращение домой». Исследователь анализирует официальные и оппозиционные, российские и украинские точки зрения по определению термина «крымская весна» и приходит к выводу о том, что, «в отличие от украинской стороны, у российской нет единого определения процесса принятия Крыма в состав России, что может говорить о слабом опыте изучения положительных последствий присоединения различных территорий к России» [8, с. 149–151].

Политические события марта 2014 г. не только повлекли социально-политические и социально-экономические изменения для самого полуострова, но и спровоцировали нестабильную и, как отмечают многие политологи, агрессивную политическую ситуацию международного масштаба. При этом именно СМИ представляются той силой, которая транслирует и интерпретирует меняющуюся ситуацию, придавая ей те коннотативные оттенки, которые являются желательными для автора медиатекста и воздействуют на целевую аудиторию наиболее успешно; силой, с помощью которой происходит реализация того или иного политического процесса.

Предлагаемое исследование посвящено выявлению языковых особенностей медийного образа Крыма, построенного на языковых единицах со сферой-источником «древнегреческая мифология». Источником анализируемого материала послужили русскоязычные газеты и журналы, отражающие разные политические взгляды и идеологические установки, дающие возможность представить объективную картину политических событий. Период исследуемого материала ограничен 2014–2017 гг., временем активных социально-политических преобразований, связанных с переходом Крыма в состав Российской Федерации. Представленный корпус примеров не означает солидарность авторов с контентом проанализированных примеров, а призван продемонстрировать особенности реализаций в масс-медийных текстах прецедентных феноменов со сферой-источником «древнегреческая мифология».

Разнородность рассматриваемого материала объясняется необходимостью комплексного анализа событий данного периода, формирующих метафорический образ рассматриваемых политических реалий на страницах политических СМИ. Подчеркнем, что описанные события в масс-медийных текстах отражаются через ассоциативные образы из древнегреческих мифов весьма активно. В данном исследовании предпринята попытка описания наиболее актуальных языковых фактов, формирующихся из прецедентных феноменов со сферой-источником «древнегреческая мифология», характерных для отражения состояния Крыма до, во время и после референдума.

Как показал обзор научной литературы и авторские наблюдения, референдум в Крыму можно назвать не только значимым историческим, но и лингвистическим событием, поскольку данная ситуация значительно повлияла на языковую ситуацию региона, повлекла возникновение новых слов, конструкций, ассоциативных образов. Так, в статье М. Г. Фортуновой «Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа» на основании контент-анализа основных периодических российских изданий и интернет-площадок предпринята попытка исследовать освещение в СМИ воссоединения Крыма с Россией. Автор приходит к выводу, что выбор ключевых слов из газетных статей, формирующих образ рассматриваемой политической ситуации, зависит от целевой аудитории медиапродукта. Так, для СМИ патриотической направленности ключевыми являются слова «воссоединение» и «присоединение», имеющие

в контекстах позитивную коннотацию. Для оппозиционных СМИ, напротив, доминирующими являются негативно коннотированные лексемы, такие как «аннексия», «оккупация», «захват». Отдельное внимание автор статьи уделяет неологизму «Крымнаш», коннотация которого напрямую зависит от контекста [13, с. 94–99].

В исследовании Т. А. Валиулиной «Опыт оценки влияния медиа-пропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемики о присоединении Крыма)» используется междисциплинарный подход на стыке социологии и лингвистики, призванный оценить влияние медиадискурса на содержание блогов различной политической направленности, характеризующих события марта 2014 г. Проведенный анализ позволил автору сделать вывод о частоте употребления терминов «пропаганда», «режим», «родина», «присоединение», «аннексия», «санкции», неологизма «крымнаш», слова «патриот» и его синонимов в СМИ и блогах, отражающих крымские реалии [2, с. 158–166].

Исследователь А. А. Алексеева в работе «Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ)» рассматривает языковые средства репрезентации образов крымского и шотландского референдумов 2014 г. на материале британских и российских СМИ. В статье методом дискурсивного анализа выявляются и сравниваются признаки этих образов, подчеркивается, что образ референдума в Крыму в британских СМИ создается с помощью языковых единиц, в частности метафор и фразеологизмов, выражающих отрицательную нормативную и этическую оценку, а также с помощью антитезы. В результате этого, по утверждению А. А. Алексеевой, создается негативный образ крымского референдума, который описывается как незаконное политическое действие, инициированное Россией — агрессивно настроенным государством во главе с президентом, имеющим амбиции захватчика [1, с. 164–170].

В работе Р. И. Зарипова «Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине» анализируется манипулятивный потенциал СМИ и особенности их воздействия на реципиента. Автор выявляет основные языковые единицы, которые в процессе метафоризации формируют образы российской политической действительности, в частности, крымский референдум. Р. И. Зарипов приходит к выводу, что во французском политическом дискурсе преобладают метафорические выражения, обеспечивающие негативное восприятие крымских событий. Так, наиболее частотной при описании действий марта 2014 г. является милитаристская метафора, которая создает яркий образ российской военной интервенции. Перенос референдума на более близкий срок позволил западным СМИ, с одной стороны, говорить о стремлении Москвы присоединить Крым, с другой — умалчивать о стремлении самих крымчан войти в состав России [3, с. 172–180].

Особенности метафорического описания перехода Крыма в состав РФ были выявлены в статье А. П. Чудинова и И. А. Серegiной «Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма». Авторы устанавливают ведущие метафорические модели, репрезентирующие референдум в Крыму и отмечают, что среди них преобладают домашняя метафора, представляющая Россию как родной дом для бывших граждан Советского Союза, и метафора пути, обозначающая присоединение Крыма и Севастополя как дорогу из негостеприимной чужбины в родные края [15, с. 89–94].

«Крымский референдум» стал объектом лингвистических исследований не только для российских, но и для зарубежных авторов. Так, Йозеф Сипко (Словакия) в статье «События в Крыму в начале 2014 г. в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях» описывает особенности отражения в словацких СМИ референдума в Крыму [11,

с. 69]. Автор отмечает, что при оценке украинских и крымских событий начала 2014 г. наблюдаются, кроме прочего, две основные тенденции: «...первую представляют словацкие политики и СМИ, которые в основном придерживались и придерживаются в той или иной степени прозападных позиций, в рамках которых присоединение Крыма к России считается нарушением международного права и суверенитета Украины. В таких представлениях чувствуется несвобода и мало пространства для выражения личной позиции. В них явно доминируют давние политические предубеждения по отношению к России и априорные оценки <...>. Вторую тенденцию представляют отдельные авторы и простые жители, среди которых гораздо чаще встречается поддержка присоединения Крыма к России» [6, с. 78].

Исследователь М. О. Юнусова в работе «Метафорическое моделирование в политическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных СМИ о событиях на Украине 2013–2014 гг.)» сравнивает события в Украине с театральной постановкой, а крымский референдум — с фарсом [17, с. 73–79].

В нашем исследовании «Метафорический образ Крыма в текстах российских СМИ 2014–2016 гг.» мы также обращались к попытке моделирования метафорического образа Крыма, однако образы и ассоциации, относящиеся к древнегреческой мифологии, не были объектом нашего отдельного внимания. Как показал дальнейший анализ практического материала, изучение особенностей политической коммуникации периода присоединения Крыма к России посредством единиц, входящих в корпус древнегреческой мифологии, бесспорно, является актуальным и весьма оправданным, поскольку в основе большинства древнегреческих мифов лежат ситуации конфликта, опасности, неожиданности, которые характерны для крымских реалий марта 2014 г. и их последствий.

Обратимся к анализу масс-медийных текстов, в которых переход Крыма в состав РФ формируется посредством прецедентных феноменов со сферой-источником «древнегреческая мифология».

При освещении крымского референдума в масс-медийных текстах обращает на себя внимание активная реализация языковых единиц с интегральным значением 'опасность', которая продиктована как внешнеполитическими настроениями в целом, так и внутренними конфликтами, которые могут проявляться на уровне инфраструктуры, социально-экономических проблем региона. При этом источником опасности могут быть различные политические реалии или конкретные действия. Данный факт находит отражение в использовании прецедентного феномена *дамоклов меч*, в денотативном значении определяемого как (книжн., экспрес.) «постоянно угрожающая кому-либо опасность, неприятность» [12, с. 224].

Прецедентная единица *дамоклов меч* восходит к греческому преданию о сиракузском тиране Дионисии Старшем (432–367 гг. до н. э.), который с целью проучить одного из своих приближенных, Дамокла, предложил тому занять на время пира его место. При этом Дионисий повесил над головой Дамокла острый меч на конском волосе как символ тех опасностей, которые неминуемо грозят тирану. Так Дамокл понял, как мало счастлив тот, кто находится в вечном страхе [5, с. 284].

Неоднородность контекстов, в которых используется представленная конструкция, позволяет говорить о различных образах, формируемых в медиапространстве. Так, образ *дамоклова меча* наслаивается на следующие ситуации:

1) внешнеполитические опасности для Крыма: *Последние украинские мосты в Крым могут сгореть. Сезон уже закончился, а дамоклов меч все еще висит над головами автоперевозчиков* (Аргументы недели Крыма, 16.09.2016).

2) внутривластные опасности для Крыма (проблемы самого региона): *Дамоклов меч самовольного строительства* (Евпаторийская здравница, 18.04.2017); *«Дамоклов меч», нависший сегодня над жителями Севастополя и Крыма в целом — контейнеры с боевыми отравляющими веществами — ипритом и люизитом, затопленные в спешном порядке в 1941–1942 гг. в акваториях нашего полуострова* (Информер, 27.09.2014); *В июне Симферополь принимает первые экзамены у местных госслужащих на право ... Над ними курсы нависли как дамклов меч* (Эксперт, 04.03.2017); *Донузлав сегодня понятие нарицательное. Над этим западно-крымским регионом, словно дамклов меч, долгое время висят тучи: две общественно-значимые и взаимно переплетающиеся проблемы не перестают беспокоить крымчан* (belarus.regnum.ru, 27.06.2016); *Долги у населения, возникающие с началом отопительного сезона, словно дамклов меч нависли над жителями Евпатории и не на шутку обеспокоили всех* (Евпаторийская здравница, 23.11.2013).

3) источники угрозы (данные конструкции моделируются при помощи глаголов *висеть, нависать*): *дамкловым мечом висающие над Крымом санкции этих-то самых потенциальных инвесторов и не привлекают. И пока о перспективах серьезных инвестиций в Крым говорят лишь как о возможном будущем* (rusrand.ru, 17.06.2015); *Слияние правовых систем Крыма и России время от времени угрожает той или иной сфере деятельности крымчан. В этот раз «дамклов меч» навис над частными охранными организациями* (СР, 01.01.2015); *В Днепре запретили рекламу поездов в Крым. Дамклов меч над так называемым «туристическим сепаратизмом» навис в Днепре в начале лета* (РИА Новости, 29.07.2016).

В текстах политических СМИ интегральный компонент 'опасность' интерпретируется посредством конструкции *дамклов меч* в сочетании с глаголами *висеть, нависать, сбрасывать* в контексте описания миновавшей угрозы: *Помню выражение не только лица Чалого, но и его фигуру, которая сбросила с себя вмиг все внутреннее напряжение, и дамклов меч с плеча, когда президент России объявил — Крым возвращается в родную гавань, в Россию* (КВ, 23.08.2015).

Таким образом, в текстах политических СМИ отображается специфика прецедентного феномена *дамклов меч* и особенности отражения крымских реалий посредством данной языковой единицы.

Как показал анализ политических текстов, значимым фрагментом политической картины мира в целом и крымских событий в частности является прецедентная единица *троянский конь*, появление которой апеллирует к известному мифу о Троянской войне. В древнегреческих мифах утверждается, что Троя (Илион) — это город в Малой Азии, в области Троада, который греки осаждали десять лет. Название Трои произошло от имени ее основателя Троса и получило известность именно из текстов греческих мифов о Троянской войне [4, с. 306]. Знаменитая Троянская война составляет содержание поэмы Гомера «Илиада». Согласно преданию, в XII в. до Рождества Христова Троя была покорена греками посредством деревянного коня — изобретения хитрого Одиссея, — внутри которого поместилось несколько героев [4, с. 307]. В современном денотативном значении данная конструкция определяется как «хитрая ловушка; коварный, тайный замысел» [10, с. 342].

Прецедентный феномен *троянский конь* включает ядерные компоненты 'обман', 'неожиданность', что также характерно для политических событий марта 2014 г. Примечательно, что *троянский конь* в текстах политических СМИ не только является субъектом, но и становится определенной ассоциацией, интерпретацией реалий, связанных с именем прокурора Республики Крым (с 25 марта 2014 г. по 6 октября 2016 г.) Н. По-

клонской: *Поклонская — Троянский конь крымской весны* (КП, 14.10.2016); *Поклонская как «троянский конь» бандеровцев* (Рот Фронт, 24.03.2017); *Аксенов — крымский Кадыров, Поклонская — троянский конь Украины* (choiz.me, 08.12.2016).

При реализации данной конструкции характерной является семантика тождества, при которой с *троянским конем* отождествляется какой-либо субъект, объект или ситуация политического мира: *Крым как троянский конь юга-востока Украины* (Commons, 03.04.2014); *Безвиз как Троянский конь для крымчака* (InfoResist, 16.05.2017); *Аннексия Крыма — это ошибка. Передел мира и границ по праву сильного — это троянский конь, которого трогать было нельзя* (Иносми.ру, 31.05.2016).

Конструкция *троянский конь* является двухкомпонентной, где второй компонент-зооним активно замещается другими субстантивами с изменением значения всей конструкции.

Так, второй компонент конструкции может быть замещен другими зоонимами: *Крым для России не троянский конь, но для ее экономики свинья немалая* (Анекдоты из России, 02.05.2016); *Крым как троянская лошадка Москвы* (europa.com, 16.03.2014); *Как троянский конь превратился в троянского пони* (КП, 22.03.2014). Менее активно происходит замена второго компонента конструкции существительными из иных лексико-семантических полей: *Троянская аренда Крыма* (ЖЖ, 20.03.2017); *Как троянская элита России может сделать из Крыма троянского коня* (АиФ, 20.03.2016); *Кирилл Рогов: Крым — троянский дар российскому обывателю* (Ведомости, 12.03.2014).

Интересным становится и замещение первого компонента конструкции *троянский конь*. Адъектив *троянский* в контекстах может замещаться другим адъективом, характерным для событий марта 2014 г.: *Вы думаете, что конь бывает только Троянским? Нет, с учетом происходящего в Крыму его уже пора переименовывать в Крымский и вводить в учебники истории* (milli-firka.org, 31.12.2014).

Для текстов политических СМИ характерна ироническая коннотация с использованием элементов древнегреческой мифологии. Так, в следующем контексте ирония строится на прецедентной ситуации, связанной с *троянским конем*: *о российских военных в Крыму: из «троянского коня» вылезает стая людей с автоматами* (Главред, 02.03.2017). Известно, что согласно мифу внутри *троянского коня* был спрятан Одиссей и самые сильные воины-ахейцы. Автор иронически подчеркивает слово «стая» — «1. Группа животных одного вида, держащихся вместе. 2. перен. О движущемся, подвижном скоплении кого-чего-нибудь» [7, с. 1002]. Таким образом, стая людей с автоматами, по мнению автора оппозиционной статьи, — это вооруженное формирование с одинаковыми идеологическими взглядами.

Конструкция *троянский конь* в текстах политических СМИ является противоречивой, при этом в отдельных случаях определить ее коннотацию весьма затруднительно: *Троянский конь в блокаде Крыма. Участники блокады пришли к позиции, что по линии «Каховская — Титан» могут быть восстановлены поставки электроэнергии»* (Громада, 06.12.2015). С одной стороны, в контексте описана опасность блокады и потеря связи для потребления электроэнергии, с другой — *троянский конь* определяется как помощник, который может возобновить поставку электроэнергии.

Еще одним примером противоречивой интерпретации конструкции *троянский конь* представляется следующий пример: *Крымский анилюс или эффект Троянского коня* (AstroNavigator, 15.03.2014). Как известно, за присоединение Крыма к России в качестве субъекта Федерации проголосовало 95,7% избирателей, что, вероятно, стало полной неожиданностью для мировой общественности.

При реализации в текстах СМИ конструкция *троянский конь* характеризуется, как правило, в двух аспектах, что говорит об ограниченной сфере ее функционирования:

1) внешнеполитическая опасность: *Троянский конь для Крыма. Трамп заставит себя уважать* (Политика на ваш взгляд, 12.01.2017); *Крым: троянский конь от регионов в рядах единороссов* (stepankiskin.info, 13.10.2014).

2) внутривнутриполитическая опасность: *Троянский конь крымской автономии* (Ислам, 29.01.2016); *Выборы в Крыму: троянский конь российской государственности* (Громадское, 12.09.2016); *Троянский конь крымскотатарского Меджлиса* (qirimbirligi.ru, 02.05.2017); *«Троянский конь» для малого бизнеса. Крымчане требуют сохранения прозрачности и устранения условий для криминализации предпринимательства...* (ЗН, 05.12.2014).

Проведенный в данном фрагменте анализ позволяет сделать вывод, что изменение семантики конструкций проходит не только на денотативном, но и на коннотативном, прагматическом уровне, где прецедентный феномен троянский конь приобретает новые семантические признаки. Такие признаки являются основой для трансформации всего высказывания и придания ему новых коннотативно-прагматических смыслов.

В древнегреческой мифологии *авгиевы конюшни* — обширные конюшни Авгия, царя Элиды, которые в продолжение многих лет не убирались. Очищены они были в один день героем Гераклом: он направил через конюшни реку, воды которой и унесли весь навоз. Этот миф был впервые рассказан греческим историком Диодором Сицилийским (1 в. до н. э.) [10, с. 112]. Согласно лексикографическим источникам, *авгиевы конюшни* (кн.) — сильно засоренное, загрязненное или захламленное место, обычно помещение, где все находится в беспорядке [6, с. 205]. При реализации конструкции в медиатекстах можно говорить как о беспорядке в целом (социально-экономические проблемы региона), так и о массовых беспорядках, сопутствующих событиям марта 2014 г. В контекстах *авгиевы конюшни* номинируют сферу, оптимизация которой требует незамедлительного и существенного вмешательства, быстрого политического или социального реагирования. Анализ текстов политических СМИ позволил определить модели функционирования рассматриваемой прецедентной конструкции. Представим наиболее активные из выделенных моделей:

Модель А. Субъект чистит авгиевы конюшни: Директор феодосийского рынка Русин В. Н. начал разгрести «авгиевы конюшни», оставшиеся в наследство от украинского государства (Крымское региональное отделение ЛДПР, 25.04.2015).

Модель Б. Субъект дает поручение / обещание чистить авгиевы конюшни: Глава Республики Крым Сергей Аксенов поставил задачу новому руководителю Службы госстройнадзора региона Нариману Исаеву расчистить авгиевы конюшни его предшественника Сергея Тимошенко (Лента.ру, 13.03.2017); *Глава Республики пообещал расчистить крымские «авгиевы конюшни»* (КИ, 27.09.2016); *Аксенов пообещал разгрести «авгиевы конюшни»* (АН, 27.09.2016). Интересным является тот факт, что по частотности употребления в текстах политических СМИ значительно преобладает модель Б, где субъект является не активным деятелем (исполнителем), а фигурантом, дающим обещание разгрести *авгиевы конюшни*. Так, в текстах политических СМИ подчеркивается, что обещания политиков по улучшению жизненных условий и другому кругу вопросов не всегда соответствуют реальности. При этом модель А подчеркивает, что субъект А не активно чистит авгиевы конюшни, а только начинает разгрести их, что характерно для исследуемого периода начиная с 2014 по 2017 гг.

Модель В. Субъект стремится почистить авгиевы конюшни, хотя и понимает всю сложность исполнения данного действия: **Разгрести «авгиевы конюшни», оставленные украинской властью, в одночасье не получится; но работа в этом направлении ведется, и результаты крымчане будут ощущать ежедневно** (mega.co.nz, 14.03.2014); **Крым не будет похож на конюшню, которую не убирали 10 лет, один раз разгребем эти авгиевы конюшни**, — заявил С. Аксенов (НС, 02.10.2016).

Модель Г. Субъект меняет нецелесообразную политику на более успешную: **Сергей Владимирович [министр ЖКХ Крыма Сергей Карпов. — Н. С., А. М.], вы — не первый чиновник из Москвы, который приехал в Крым работать в системе ЖКХ. Кто или что заставило вас покинуть Москву и приехать разгрести авгиевы конюшни ЖКХ Республики** (КГ, 07.10.2016); **С. Аксенов: Правительство совместно с прокуратурой планирует создание рабочей группы по проверке законности застройки территорий. Перед вами стоит большая задача по расчистке этих Авгиевых конюшен** (НКр., 02.03.2017); **Старые добрые навозные ямы более не устраивают власти, просто так разводить Авгиевы конюшни теперь никто не даст** (НКр., 18.08.2016).

При экспликации в конструкции ядерного компонента 'беспорядок' значимой является не только семантика, но и модальность высказывания. Наиболее активно в таких контекстах реализуются динамические глаголы *разгрести*, *вычищать*, *расчищать*, *чистить* в настоящем и будущем времени: **Кому разгрести авгиевы конюшни Бахчисарая** (КЭ, 24.10.2015); **Председатель Милли Фирка: Крымские авгиевы конюшни еще чистить и чистить** (АН, 15.05.2014); **«Раз и навсегда разгребем эти авгиевы конюшни, — призвал коллег Сергей Аксенов** (bezformata.ru, 27.09.2016); **Вячеслав Захаров «Ялту надо вычищать как авгиевы конюшни»** (Известные люди Юга России, 28.04.2017).

Менее активно контексты строятся с использованием придаточных цели [Каждый человек на полуострове видит, сколько федеральный центр вкладывает в то, чтобы **привести в порядок «авгиевы конюшни»** (РИА Новости, 17.03.2017) и отглагольных существительных (**Авгиевы конюшни Крыма: чистка в разгаре** (Издания ФСРФ, 23.10.2015); **Останется ли губернатор Крыма на должности, Кремль будет оценивать по удачности расчистки Аксеновым украинских авгиевых конюшен в Республике** (regnum.ru, 06.12.2016); **Понятно, что в парафию Чалого как разгрести крымских авгиевых конюшен входит не весь полуостров, а лишь Севастополь** (Время «Ча», 19.04.2014)].

Как показал анализ масс-медийных политических текстов, реализуясь в контекстах, конструкция **авгиевы конюшни** претерпевает ряд структурно-семантических трансформаций, наиболее существенными из которых являются следующие:

1) расширение конструкции адъективом: **От Кремля в Крыму ждут нового «управленца с десантом», чтобы «вычистить крымские авгиевы конюшни»** (КР, 02.07.2015); **Кремль должен срочно вычистить крымские «авгиевы конюшни», оградив российскую Республику Крым от непрофессиональной пятой колонны во власти** (Федерал Пресс, 05.05.15).

2) расширение конструкции субстантивом со значением принадлежности: **А оптимисты рассчитывали, что человек в погонах с большим послужным милицейским списком Могилев А. В. таки почистит авгиевы конюшни автономии, до самого верха набитые навозом коррупции** (КИ, 15.03.2017); **Авгиевы конюшни департамента здравоохранения Севастополя** (Руинформ, 27.02.2017); **Авгиевы конюшни Крыма: чистка в разгаре** (ПГ, 23.10.2015).

3) замена адъектива другим адъективом: *Когда начнут разгребать крымские конюшни?* (ЖЖ, 21.06.2017); *Коломойские конюшни. Украинские олигархи оставили в Крыму не только собственность, но и кошмарную юридическую неразбериху, разгребать которую придется российским властям* (rusplt.ru, 27.04.2016).

Таким образом, апелляция к устойчивой конструкции *авгиевы конюшни* в политических СМИ позволяет образно выразить оценку политических действий, событий, представляя материал со структурно-семантическими и прагматическими трансформациями, что характеризует крымские реалии марта 2014 г. и последующего периода. Трансформационный потенциал данной конструкции служит индикатором изменений, происходящих в современном мире политики и активно используется в масс-медийных текстах.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что масс-медийный дискурс использует вербальные сообщения в виде трансформированных прецедентных единиц, которые отличаются богатством языковых средств, сложностью взаимодействия с контекстом, различными способами воздействия на адресанта. Рассмотрение приемов экспрессивного использования прецедентных единиц в текстах политических СМИ позволяет выделить экспрессивную функцию и функцию воздействия как основные функции прецедентных единиц в масс-медийных текстах. Любые структурные изменения прецедентных феноменов влекут семантические сдвиги и по своей природе являются «хранилищем» для когнитивных структур, которые служат как инвариант для восприятия. Ключевые единицы, организующие пространство политического текста, характеризуются многокомпонентностью семантической структуры и семным варьированием в политических контекстах, что определяет модификацию семантической структуры устойчивых конструкций. Механизмы актуализации концептуального содержания прецедентных единиц в масс-медийных текстах определяются специфическими прагматическими установками языкового сознания носителя языка.

Языковые факты, выраженные посредством прецедентных феноменов, входящих в сферу-источник «древнегреческая мифология», фиксируются на страницах политических СМИ 2014–2017 гг. и наиболее точно характеризуют проблемы крымского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Алексеева А. А.* Образы референдумов в Крыму и Шотландии (на материале британских и российских СМИ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2015. Т. 14. № 6. С. 164–170.
- 2 *Валулина Т. А.* Опыт оценки влияния медиапропаганды на содержание интернет-дискуссий (на примере анализа полемики о присоединении Крыма) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 158–166.
- 3 *Зарипов Р. И.* Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 172–80.
- 4 *Корш М.* Краткий словарь мифологии и древностей. М.: Директ-Медиа, 2014. 374 с.
- 5 *Мелетинский Е. М.* Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 672 с.
- 6 *Молотков А. И.* Фразеологический словарь русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.

- 7 *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Оникс, 2008. 1200 с.
- 8 *Савицкий И. В.* Терминологические определения крымских событий 2014 года в российской и украинской историографии и публицистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. С. 149–151.
- 9 *Сегал Н. А.* Метафорический образ Крыма в текстах российских СМИ 2014–2016 гг. // Современная картина мира: крымский контекст. Симферополь, Ариал, 2017. С. 238–258.
- 10 *Серов В. В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2005. 852 с.
- 11 *Синко Й.* События в Крыму в начале 2014 г. в русско-словацких лингвокультурных ассоциациях // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 69–78.
- 12 *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, 2008. 828 с.
- 13 *Фортунова М. Г.* Российские СМИ о воссоединении Крыма с Россией: опыт контент-анализа // Международный журнал экономики и образования. 2016. Т. 2, № 2. С. 94–99.
- 14 *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. 176 с.
- 15 *Чудинов А. П.* Метафорические слоганы в дискурсе референдума о статусе Крыма // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 89–94.
- 16 *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2001. 238 с.
- 17 *Юнусова М. О.* Метафорическое моделирование в политическом дискурсе (на материале англоязычных и русскоязычных СМИ о событиях на Украине 2013–2014 гг.) // Сборник статей V Международной научной конференции молодых ученых. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. С. 73–79.
- 18 *Яценко Т. А.* Каузация в русском языковом сознании. Симферополь: ДИАЙПИ, 2006. 478 с.

***

© 2018. **Natalija A. Segal**
Simferopol, Russia

© 2018. **Anna N. Mishchenko**
Simferopol, Russia

ANCIENT GREEK MYTHS AS THE SOURCE OF FORMING THE MEDIA IMAGE OF THE CRIMEA

Abstract: The purpose of the paper is to highlight features of creating Crimea's image in the Russian-language media in 2014–2017. As the study shows the "Crimean issue" remains the object of analysis and discussions for many scholars. The author points out to an important role in the metaphorization of the Crimean realities played by the ancient Greek myths. The importance of the systematization of cognitive mechanisms in structuring political discourse determined the need to describe nominations from ancient Greek mythology as one of the ways of creating the image of Crimea in Russian-

language media texts. The appeals to sustainable designs from ancient Greek mythology in political media allowed us to express figuratively the evaluation of political actions and events, displaying data with structural-semantic and pragmatic transformations. The source of the analyzed data are Russian-language texts, reflecting various political views and ideological attitudes that gave an opportunity of providing an objective picture of the political events in Crimea. The material analyzed demonstrates that the mass media discourse uses verbal messages in the shape of transformed precedent units serving as an indicator of social-political and social-economic changes on the peninsula. On the basis of mass-media texts of political orientation, the paper reveals the specificity of establishing the image of Crimea in the texts of Russian-language political media. The author draws on mass-media texts of political orientation in order to identify specificity of the creation of Crimea's image in the texts of Russian-language political media.

Keywords: political text, political discourse, political communication, media communication, metaphor, connotation.

Information about the authors:

Natalija A. Segal — PhD in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadsky Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia. E-mail: natasha-segal@mail.ru;

Anna N. Mishchenko — post-graduate student of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Vernadsky Ave, 4, 295007, Simferopol, Russia. E-mail: anutik-anutik18@mail.ru.

Received: January 27, 2018

Date of publication: September 15, 2018

For citation: Segal N. A., Mishchenko A. N. Ancient Greek myths as the source of forming of the media image of the Crimea. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 211–222. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Alekseeva A. A. Obrazy referendumov v Krymu i Shotlandii (na material britanskikh i rossiiskikh SMI) [The images of referendums in the Crimea and Scotland according British and Russian media]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, filologiya*, 2015, vol. 14, no 6, pp. 164–170. (In Russian)
- 2 Valiulina T. A. Opyt otsenki vliianiia mediapropagandy na sodержanie internet-diskussii (na primere analiza polemik o prisoedinenii Kryma) [The experience of assessing the influence of media propaganda on the content of Internet discussions through the example of the analysis of polemic around the annexation of the Crimea]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2015, no 5, pp. 158–166. (In Russian)
- 3 Zarirov R. I. Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste grazhdanskoi voyny na Ukraine [Metaphorical images of Russia in the French political discourse within the context of the civil war in Ukraine]. *Politicheskaiia lingvistika*, 2015, no 2 (52), pp. 172–180. (In Russian)
- 4 Korsh M. *Kratkii slovar' mifologii i drevnostei* [A brief dictionary of mythology and antiquities]. Moscow, Direct Media Publ., 2014. 374 p. (In Russian)
- 5 Meletinskii E. M. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1991. 672 p. (In Russian)

- 6 Molotkov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1968. 543 p. (In Russian)
- 7 Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Onyx Publ., 2008. 1200 p. (In Russian)
- 8 Savitskii I. V. Terminologicheskie opredeleniia krymskikh sobytii 2014 goda v rossiiskoi i ukrainskoi istoriografii i publitsistike [Terminological definitions of the Crimean events of 2014 in Russian and Ukrainian historiography and journalism]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice]. Tambov, Diploma Publ., 2017, pp. 149–151. (In Russian)
- 9 Segal N. A. Metaforicheskii obraz Kryma v tekstakh rossiiskii SMI 2014–2016 gg. [Metaphorical image of the Crimea in the texts of the Russian media 2014–2016 pp.] *Sovremennaia kartina mira: krymskii kontekst* [Modern picture of the world: Crimean context]. Simferopol, Arial Publ., 2017, pp. 238–258. (In Russian)
- 10 Serov V. V. *Entsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2005. 852 p. (In Russian)
- 11 Sipko I. Sobytiia v Krymu v nachale 2014 g. v russko-slovatskikh lingvokul'turnykh assotsiatsiiakh [Events in the Crimea in early 2014 in the Russian-Slovak linguistic-cultural associations]. *Politicheskaia lingvistika*, 2014, no 3 (49), pp. 69–78. (In Russian)
- 12 Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [The Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow, Astrel Publ., 2008. 828 p. (In Russian)
- 13 Fortunova M. G. Rossiiskie SMI o vossoedinenii Kryma s Rossiei: opyt kontent-analiza [Russian mass media about the reunification of the Crimea with Russia: the experience of content analysis]. *Mezhdunarodnyi zhurnal ekonomikii obrazovaniia*, 2016, vol. 2, no 2, pp. 94–99. (In Russian)
- 14 Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii* [Essays on modern political metaphorology]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGPU Publ., 2013. 176 p. (In Russian)
- 15 Chudinov A. P. Metaforicheskie slogany v diskurse referendumo o statuse Kryma [Metaphorical slogans in the discourse of the referendum on the status of the Crimea]. *Politicheskaia lingvistika*, 2014, no 2 (48), pp. 89–94. (In Russian)
- 16 Chudinov A. P. *Rossiiia v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in the metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor in 1991–2000]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGPU Publ., 2001. 238 p. (In Russian)
- 17 Iunusova M. O. Metaforicheskoe modelirovanie v politicheskom diskurse (na materiale angloiazыchnykh i russkoiazыchnykh SMI o sobytiiakh na Ukraine 2013–2014 gg.) [Metaphorical modeling in political discourse (according to the English-language and Russian-language media sources about events in Ukraine 2013–2014)]. *Sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh* [Collection of papers of the V International Scientific Conference of Young Scientists]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrFUPubl., 2016, pp. 73–79. (In Russian)
- 18 Iashchenko T. A. *Kauzatsiia v russkom iazykovom soznanii* [Causation in the Russian language consciousness]. Simferopol, DIAPI Publ., 2006. 478 p. (In Russian)